

КОРЕПАНОВ
Николай Семенович

Корепанов Н.С. — выпускник исторического факультета Уральского университета (1986). С 1991 г. научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Имеет научные публикации в местных и центральных изданиях. Кандидат исторических наук.

КТО ПРИДУМАЛ САМОВАР?

Слово «самовар» среди непереводаемых на другие языки всем известных русских слов, наверное, самое раннее, хоть как-то связанное с техникой. А из всех знаменитых русских изобретений самовар, как ни приспособлявай, не используешь для военных целей. Поэтому к нему такая симпатия и, может быть, потому же забыты его изобретатели. И неизвестно, когда появился самый первый.

Среди бесчисленного множества самоваров, скованных в России, был один пролежавший четыре года на Екатеринбургской таможне, с 1740-го по 1744 год. «Самовар с прибором медный, луженый, весом 16 фунтов, заводской собственной работы, ценою в 4 рубля 80 копеек», — записали профессионально бесчувственные таможенники и не выказали удивления увиденным. Изделие доставили 7 февраля 1740 г.¹ с р.Чусовой, с Курьинской пристани Акинфия Демидова, вместе с 6-ю кадами меда и 6-ю кулями

орехов. За провоз товаров неуказной дорогой пострадали жители Иргинского завода Петра Осокина².

Ранее этого письменного известия ничего о самоварах не сохранилось, а потому нелишне объяснить, откуда ехали те люди, откуда везли 16 фунтов меди в сплаве с оловом.

За место на речке Иргине, притоке Сылвы, рядом с рудной горой Красный Яр бились с 1727 г. две компании — трое московских купцов с калужанином против посадских людей из города Балахны, двоюродных братьев Петра и Гаврилы Осокиных. Казна поддержала Осокиных, поверив, что начнет получать десятину медью ровно через три года после пуска завода, как в общем-то и положено. Реалисты-москвичи обещали только железный завод, а десятину платить медной рудой, и тем никого уже не могли удивить в здешних местах.

Завод братьев Осокиных выдал первую медь в декабре 1728-го, едва

¹ Даты приведены по старому стилю.

² Ныне — поселок Нижнеиргинское на крайнем западе Свердловской области.

не был смыт вешней водою через два года, десятину начал выплачивать с грехом пополам через шесть лет, за первые десять лет настоял простоями почти четыре года. Иргинская медь была железиста, хотя и годилась для монетной чеканки в Екатеринбурге; иргинское железо не шло далее хозяйских соляных промыслов.

Откуда Осокины набрали людей, никто толком не знал, и лишь изредка в Екатеринбурге получали жалобы от кунгурского воеводы: «В Суксунский и Иргинский заводы приходят пришлые люди много число непрестанно, а какие они урожденцы, того не объявляют, а приказчики о том виду не дают. Пришлые те, приходя со оных заводов, чинят Кунгурского уезда крестьянам бои и смертные убийства и, учиня бой, убегают на оные заводы». Заводские приказчики тоже жаловались — друг на друга. Начались нескончаемые тяжбы за ближние рудники и леса, Иргина и Суксун превращались в злейших соперников.

Суксунский завод Акинфия Демидова имел своих мастеров, на Иргине мастерам неоткуда было взяться. Плавке меди в саксонских печах обучали местных два мастера из Екатеринбурга. Меднокотельного мастера Степана Логинова прислал Казанский бергамт, меднопосудного мастера Алексея Стрежнина прислал Пермский бергамт. Дело медной посуды уступало тогда прибыльностью разве что монетной чеканке, и на Иргине все-речь им заинтересовались после аварийного выпуска прудовой воды и убытков 1730 года.

Котельник Логинов подготовил двух мастеров, посудник Стрежнин набрал девятерых учеников и, проучивши год, самовольно отбыл восвояси. Алексей Емельянович Стрежнин, сольвычегодский посадский человек, был, кажет-

ся, единственный на Урале заводской посудный мастер, выросший из промысловых самоучек-листочбойщиков и так и не вросший в поточное производство. Девятерых его учеников — мальчишек-подростков или чуть постарше — определили доучиваться к подготовленному Логиновым молодым котельникам Семену Зылеву и Ивану Смирнову. Так вот, это все была при-сказка. Любопытное начинается здесь.

Исключая сарапульца Зылева, десять человек из штата меднокотельной фабрики говорили «по-нижегородски» — земляки из Нижегородской губернии. Мастер Смирнов — раскольник из деревни Малиновки Нижегородского архиерейского села, семеро из девяти учеников родились в раскольничьих семьях сел Копосова и Козина вотчины Троице-Сергиева монастыря. Родители их бежали на Иргину в 1728 — 1730 гг. с несчетным количеством других староверов.

А проложил им всем дорогу, выбил для Осокиных место на Иргине и поднял завод пришлый крестьянин из того же Копосова Родион Федорович Набатов, иргинский приказчик. Он, пока мог, и скрывал известие, оглушившее горнозаводские власти в середине 1730-х гг. с началом заводских переписей. Когда вдруг открылось, что жители Иргинского завода — сплошь беглые староверы, большей частью из Нижегородской губернии, поминавшие архиепископа Питирима и «падение Керженца».

Из иргинских котельных учеников лишь один, ровесник мастера Смирнова, числился православным из Балахонского уезда. И только один ученик происходил не из крестьян, а из нижегородских посадских людей. Звали его Петром Чесноковым.

К середине 1730-х гг. на десяти иргинских фабриках работал 81 чело-

век (не считая углежогов, плотников, рудокопов и т.п.). Фабрика — это один или два мастера (в молотовой — 6) и при них подмастерья, работники, ученики. Родственники работали вместе, семья обыкновенно держалась одного ремесла. Так бытовало на всем Урале, на всех заводах, и если отец и сын или родные братья занимались разным делом, то будьте уверены — выдающийся мастера с болезненным самолюбием.

У Петра Чеснокова был старший брат Алексей Семенович, мастер якорной фабрики. На якорной фабрике, понятно, что заняты якорями, но, главное, льют, собирают и чинят кричные вододействующие молоты. Якорщик — это литейщик и гидромеханик одновременно. Алексея Чеснокова обучил якорщик из Екатеринбурга, приговоренный когда-то к смертной казни за кражу и прощенный за мастерство.

Был и третий брат Чесноков — Иван Семенович, мастер кузнечной фабрики.

Мало сказать, что другой такой семьи не имелось на Иргине. Ничего более колоритного не знал тогда ни один уральский завод: мастеровые из посадских людей, пришлые раскольники, специалисты трех разных фабрик. Мощная связка: якорщик — кузнец — котельник. «На стыке», говорят, рождается новое. Зачем же пришли в этот мир братья Чесноковы?

К 1734 г. в Иргинской котельной фабрике потоком выпускали: посуду литейную — горшки, котлы и меденники; посуду точеную — кружки, кунганы, лохани, чайники и четвертины; винокурные приборы — казаны с трубами. Посуда отправлялась в хозяйский дом в Балахну, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, на вольную продажу в Кунгур, в ка-

занный Ягошихинский завод, на Яик. Расходилась и при заводе, в основном в качестве натуральной оплаты при хроническом безденежье. За четыре года произвели посуды общим весом 536 пудов, и большая часть того — 180 пудов — осталась при заводе. Иными словами, Иргинский завод держался посудой, посуда сделалась средством платежа, производитель и потребитель ежедневно сталкивались нос к носу, и потребитель мог на пальцах объяснить, чего ему нужно.

25 сентября 1734 г. Осокины разделились. Петру Игнатьевичу достался Иргинский завод, Гавриле Полуехтовичу — год назад выстроенный Юговской. А ровно через месяц в Екатеринбурге сменилось руководство, главу «горной власти» голландца Геннина сменил Василий Татищев. И задули ветры перемен.

По частным заводам коршунами разлетелись казенные шихтмейстеры, встали вровень с приказчиками и принялись настойчиво учить, как нужно жить и работать. На Иргине приказчику Набатову зачитан был приказ торговлю посудой прекращать, а медь сдавать в Екатеринбург по твердой цене. А еще построить православную церковь и школу.

Приказчик Набатов объяснил, как на Иргине обстоит дело с православием, а насчет меди успокоил: разведанные руды пресекались, а накопанных хватит разве что до лета 1735-го. И если казне ее величества не обойтись без иргинской меди, то пусть одалживает руды до 25-и тысяч пудов. А еще попросил дозволения обнести завод крепостью и прислать пушек с порохом, ибо, как слышно, новые власти усердствуют не только в заводских делах, а и в отношениях с иными народами.

Весной 1735-го на Иргине получили 19 930 пудов заемной руды с Ягошихинского завода. Летом восстали башкиры. А осенью потихоньку, но чем дальше, тем свирепее начались гонения на староверов, вконец распутившихся при веротерпимом голландце.

В сентябре сделал свой выбор Родион Набатов: с тремя демидовскими приказчиками и екатеринбургским купцом подписал челобитье «за всех староверцев», обещая всяческую благонадежность и лишь прося за то двух-трех попов, «которые по старопечатным книгам веру хранить желают». А еще честно предупредил, что за заемную руду хозяину не рассчитаться, если только не пустить все выплавленное на посуду, желательно самую дорогую — винокурную. И зажил совсем другой жизнью, двинулся дорогами, освещаемыми костром протопопа Аввакума. А в заводе зазвучали проповеди православных миссионеров.

14 марта 1736 г. мастеровые и рабочие люди Иргинского завода, до точки доведенные мирными и немирными увещеваниями перейти в «правильную» веру, организованно прекратили работу, поделились на группы и пошли маршем на Кунгур записываться в боевые сотни на Башкирскую войну. На Иргине остались женщины, дети до пятнадцати, престарелые работники, несколько караульных, а также приказчик Иван Швецов, осокинский крепостной.

Башкирское восстание 1735 — 1740 гг. породило многие замешанные на крови глупости, в том числе и знаменитую тогда «вольницу» — добровольные отряды заводских мастеровых и приписных крестьян. От заводской рутины, от нескончаемой работы и недоброго начальства, наскоро выстругав копья и стрелы и натянув луки, ломанулись в башкирские походы все не

сумевшие привыкнуть к новой заводской жизни. Екатеринбургская «горная власть» вскоре ограничила поток охочих пострелять и помародерствовать пятой частью от каждого завода или села. И лишь два завода — Иргинский и Юговской — познали «вольницу» сполна. Обостренно чувствовавшие зложелательство окружающего мира за свою инородность и иноверие, дружно враждовавшие когда-то со всем Кунгурским уездом, иргинские мужики отказались простаивать завод до июля и еще дважды всенародно уходили в степи, к иной жизни.

Так кому же из них, одному или нескольким, знавшим у себя на Иргине самые разные посудины, явилась мысль о переносной кухне, о походном кипяильнике, что скоро разогрелся бы сам собою без печки и костра, легко прятался бы в дорожный мешок и создавал бы уют в самых собачьих условиях? В конце концов, всякое изобретение случается, когда в нем есть нужда. Или кто-то прослышал о чем-то таком от башкир? Ведь с начала 1730-х гг. правитель Джунгарского ханства Галдан-цэрэн (на Урале его звали Хайдар-чирин), ярый «западник», имел с ними непрерывавшиеся связи; и может быть, из Китая через Джунгарию попало в башкирские земли нечто под названием «хо-го»?

...А заводская жизнь не кончается, даже если все вокруг идет наперекосяк.

Заемная руда с Ягошихи плавилась, и надо сказать, плавилась отвратительно. Хорошей рудой тогда считалась дающая от сотни пудов два пуда меди, средней — полтора пуда, плохой — один пуд. Из почти 20-и тысяч пудов ягошихинской руды наплавляли всего 180 пудов чистой меди. Об указной цене для Екатеринбурга

страшно было и подумать. Приказчик Швецов объявил: «Ежели вольным охотникам продать, и то будет не без убытка». И засыпал екатеринбургских начальников прошениями: «Прошу, дабы повелено было хозяевам моим из заемной казенной руды выплавленную медь в посуду переделать и продать на сторону вольным охотникам».

В декабре 1737 г. получили заказ из Придворной конторы. Как-то вдруг оказалось, что безусые те котельники выросли уже вон в каких мастеров. Ко двору ее величества требовалось котлов двоеушных с дужками и крышками четырех видов — 40 штук, котельный набор — полдюжины, кастрюль трех видов — 60 дюжин. К августу 1738-го. Впрочем, тоже по твердой цене.

Для заказа имелась уже своя собственная руда: кое-что разведдали татары-рудознатцы (в награду получили значенные котлики), кое-что удалось отсудить у Суксунского завода. Заказ выполнили в срок, поправив тем финансовое положение, но дорого обошедшиеся 180 пудов меди из заемной ягошихинской руды по-прежнему камнем висели над заводом и грозили банкротством.

Но дело в том, что еще в июле 1737 г. Екатеринбург принял решение, и в сентябре, незадолго до получения придворного заказа, стало о нем известно на Иргине: куйте, черти, посуду какую угодно и кому угодно продавайте. Но в последний раз! В последний раз на обозримое будущее.

И вот, развязавшись с придворным заказом и имея свободу действий, заводчик Петр Осокин и приказчик Иван Швецов должны были тяжело задуматься. Потому что по всему Хребту медная посуда уже не диковинка, кто хочет — тот имеет. Еще в 1736 г. екатеринбургские купцы объявляли: хо-

рошая прибыль от посуды получаемая лишь в низовых сибирских городах. Единственное, что по-прежнему пользуется устойчивым спросом — винокурное оборудование. Еще Набатов предупреждал: хозяин расплатится по долгу, если только пустит всю заемную медь с Ягошихи на кубы, казаны и трубы на Кунгурский кружечный двор, на партикулярные и казенные винокурни. Значит, пока ничего лучше не придумали, начинать ковать казаны и трубы. Трубы и... Или что-нибудь еще? Казан с трубой, а?..

Итак, впервые в России ЭТО было сковано на маленьком заводе на уральской речке Иргине между сентябрем 1738 и февралем 1740 г.

Фунт чистой меди по твердой цене в казну стоил 6-7 копеек (в зависимости от качества), винокурные приборы продавались по 25 копеек за фунт (скажем, за 16 фунтов — 4 рубля), изъятые таможенниками 16-фунтовое изделие оценено было помним во сколько. За корову в Кунгурском уезде, смотря по сезону и возрасту, платили тогда от двух с полтиной до четырех рублей.

...И наконец, несколько слов о тех, из чьих рук вышло изделие.

В сентябре 1738-го на Иргине числилось семь котельников, обучавшихся когда-то мастерству у Степана Логинова и Алексея Стрежнина и только что выполнивших царский заказ. Их имена: Иван Петрович Смирнов (26 лет), Сергей Андреевич Дробинин (18 лет), Федос Ларионович Загорюкин (30 лет), Ларион Михайлович Кузнецов (26 лет, единственный православный), Матвей Алексеевич Попов (20 лет?), Петр Семенович Чесноков (19 лет), Никита Федоров (24 года). С. Логинов с 1735 г. работал в Юговском заводе, в следующем году был отозван на Ягошиху. С. Зылев с двумя учени-

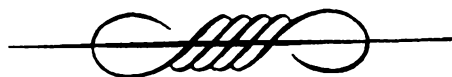
ками с 1736 г. работал в Юговском заводе, еще один затерялся в башкирских походах. Алексею Чеснокову в 1738 г. было 30 лет, Ивану — 29.

Около 1740 г. дороги Родиона Набатова привели его опять на Иргину, где имел он крупный разговор касательно финансов с бывшим хозяином и с треском разорвал с ним отношения. Может быть, с нарочитым и показушным треском, но в двух словах об этом не расскажешь. В 1741 г. появился он в Невьянском заводе, столице «царства» Акинфия Демидова, и стал тамошним приказчиком. Чуть ли не впервые в истории горнозаводского Урала приказчик сменил хозяина (хотя года через два это вошло в порядок вещей). И тем более любопытно, что Акинфий Никитич единственный раз в жизни поставил во главе своего завода чужого человека, к тому же немало попортившего ему крови в годы тяжб Иргины и Суксуна.

Вполне возможно, что во всей истории имя Набатова должно стоять на первом месте. Ибо личность это была фантастическая¹, широтой взглядов он, превосходил не только заводских

работников-земляков, но и хозяина, а выдать или подхватить на лету идею управитель может не хуже мастера. Во всяком случае, Набатов — единственное устойчивое звено между иргинскими котельниками и Акинфием Демидовым, хозяином Суксуна и Тулы, которые долгое время считались родиной русского самовара (1740-е — 1750-е гг.). Что значит: Акинфий Никитич первым реально оценил изделие иргинских мастеров и незадолго до смерти в 1745 г. дал толчок «самоварной эпохе». К тому же, раскольники не могли использовать изделие для чаепития; как помним, в 1740 г. самовар попал в Екатеринбург вместе с медом, основой для варки сбитня.

...Ну, а в ноябре 1744 г. Тобольская губернская канцелярия поверила заверениям Швецова, что самовар этот, так называемый, везли не на продажу, а для хозяйского пользования и распорядилась вернуть вещицу. Тогда это была просто вещица, любопытная поделка, а никакой не символ домашнего уюта и целой страны с непростой историей.

¹ См.: Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988.